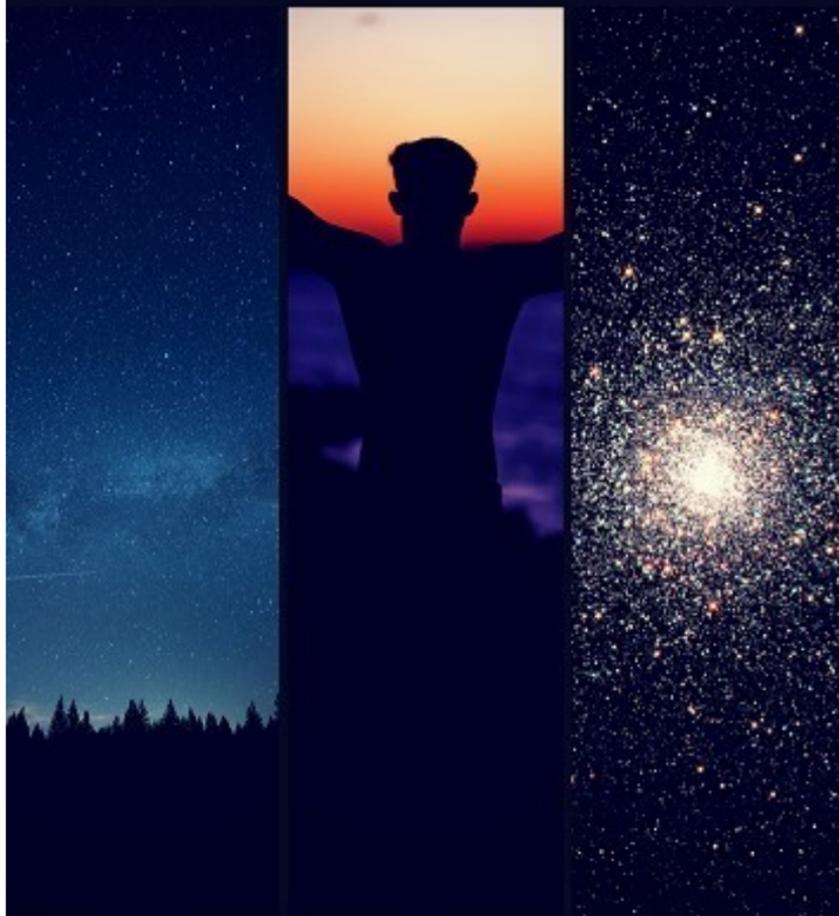

*“Он всего лишь мечтал побывать на Земле,
а стал... легендой галактики”*

ГОРСТЬ ЗЕМЛЯНИКИ

Шмигалеv Николай

Николай Николаевич Шмигалеv

Горсть земляники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23984912

Аннотация

Середина пятого тысячелетия от Рождества Христова... Земляне к этому времени расселились по всей галактике, создав Конфедерацию, с другими расами галактики, благодаря чему на протяжении уже долгого времени все расы живут тихо и мирно (чему в не меньшей мере способствует наличие мощного Военно-космического флота – залог мира и процветания галактики – в котором главенствует человеческая раса). Взяв на себя ответственность за «мир во всем мире» человечество чуть раньше сделало не менее важный шаг. Земляне оставили уже дышавшую на ладан Землю-матушку в покое. Уже имея несколько колоний на других планетах, пригодных к жизни не хуже Земли, и видя что «колыбель человечества» вот-вот загнетса от бурной деятельности своих «детешек», землянами принято решение покинуть Землю в полном составе. Более того постановлением правительства, Земля становится запретной заповедной зоной, куда категорически запрещено ступать ноге не только человека, но и любого инопланетного разумного и не очень разумного существа, вплоть до угрозы тюремного заключения. Благодаря этому Земля после ухода людей на другие планеты через пару-тройку столетий вновь стала экологически чистым миром

с девственной природой, все также строго охраняющееся от проникновения на неё желающих побывать в лоне колыбели человечества. Теперь о главном герое по имени Траян: третий ребенок в семье известных ученых. Его два старших брата, как и родители, ученые астрофизики, а он – эдакий "Иванушка" будущего. Поздний ребенок, проблемный, драчливый, к наукам не расположен. Куда такого определить? Естественно в Военно-космический флот, а точнее в Академию флота – «пусть ума не наберется, но хоть дурь у него там выбьют». И вот этот самый Траян, кое как отучившись в академии, перед выпуском из училища и получением лейтенантских звездочек в составе всего выпускного курса направляется на учебно-боевом звездолете академии на экскурсию к Земле (такая возможность представлялась лишь будущим защитникам галактики), чтобы в этом "патриотическом турне" увидеть колыбель человеческой цивилизации с околоземной орбиты (так как ближе подлетать к планете запрещено). Но дело в том, что у Траяна давно в голове заноза – попробовать настоящей земляники – совсем немного, хотя бы горсть. И как он не без оснований считал, настоящая земляника может вырасти только на Земле. Выращенные в другом месте ягоды, по его личному убеждению, могут быть "марсяникой", "татуиникой", «дравидикой» но никак не земляникой. В общем, он не придумывает ничего умнее, чем угнать аварийно-спасательный челнок со звездолета, чтобы втихаря смотаться на Землю и попробовать «малюсенькую» горсточку земляники. С этого и начинаются его приключения в Галактике и за её пределами...

ГОРСТЬ ЗЕМЛЯНИКИ

(фантастическая повесть)

ПРОЛОГ

(краткий экскурс в темное прошлое человечества)

«И на пыльных тропинках дальних планет,
останутся наши следы...»

Эта незамысловатая песенка – привет из далекого туманного прошлого – звучала во всех уголках нашей галактики из громкоговорителей каждого гражданского космодрома, встречавшего и провожавшего в звездные пучины серебристые звездолеты, ибо уже несколько столетий она являлась неизменным гимном отважных межзвездных путешественников.

Причем не только человеческой расы.

Ну, знаете ли, так получилось...

Шел сорок четвертый век нашей суетливой непоседливой эры. Если быть точнее – шел четыре тысячи триста пятнадцатый год от Рождества Христова. Несмотря на то, что пытливая госпожа Наука в лице третьей дальней межгалактической научно-исследовательской экспедиции утверждала что обнаружила ту самую «черную дыру», откуда по Вселенной тихим сапом «расползлась» эта «зараза» (я имею в виду разумную жизнь, во всем её многообразии, в т.ч. и нашу пре-

милую человеческую расу) и привела неопровержимые этому вопиющему факту доказательства на галактическом симпозиуме соответствующей тематики, мы все равно упрямо отсчитывали нашу победоносную эру от вышеуказанной исторической даты.

Вот что значит сила привычки!

Мало того, мы заставили... хотя нет, скажем так, ненавязчиво надоумили другие разумные расы нашей «многонациональной» галактики тоже отсчитывать Её Величество Время не кому как заблагорассудится, а по нашему земному летоисчислению. А чего усложнять?! Человечеству было проще подогнать под свои сто раз перепроверенные стандарты остальные «малые народы», чем путаться в неисчислимом множестве различных названий и видов измерения длины, массы, скорости, ускорения свободного падения, температуры и ещё бог весть чего. Тот же самый фокус мы провернули и со временем – установив эталоном среднегалактического хронометража временные стандарты матушки Земли. Да и вообще практически единогласным голосованием на первом Межгалактическом Конгрессе Организации Объединенных Рас за эталон всех имеющихся мер и тому подобных вещей, подавляющим большинством голосов были приняты все земные эталоны. Опять же, исключительно для того, чтобы не было путаницы при взаимных контактах. Все-таки раса людей в галактике, в процентном соотношении с другими расами была преобладающей – по самым скромным

подсчетах примерно миллиардов триста «с хвостиком». А благодаря нашему доблестному Военно-космическому флоту мы могли себе позволить диктовать... пардон, опять не совсем политкорректное слово, то есть предлагать кое-какие правила во имя общего светлого будущего, которые со временем (с тем самым, который все уже давно отсчитывали по земным меркам, если помните) становились общепринятыми и в последующем закреплялись на законодательном уровне. Также, для оптимизации межрасового общения мы, земляне, неназойливо подсунули другим менее предприимчивым расам галактики наше лингвистическое детище – космоарго – искусственный язык, разработанный специально для этих нужд на основе уже давным-давно единственного языка общения всех землян, не буду называть какого с добавлением ряда понятий из языков других рас, для создания эффекта всеобщего задействия.

Справедливости ради стоит отметить, что были и некоторые трения в межрасовых отношениях. Кое-кто из других членов Конфедерации был не в восторге от нашей человеческой предприимчивости, настаивая на самоопределении рас, но их слабые голоса растворялись в прогрессирующем грохоте интеграционных процессов.

Итак, шел сорок четвертый век нашей эры.

О, да! Это была НАША ЭРА! Эра землян!

ГЛАВА 1. СУДЬБОНОСНЫЙ ВЫБОР

С чего начать эту главу? Естественно с Земли-матушки, с нее родимой.

В новейшей истории, Земля как место появления и развития человеческой расы, так называемая «колыбель человечества», была возведена в ранг самого охраняемого заповедника нашей галактики.

Наши предки, ещё несколько веков назад расселившиеся по другим звездным системам, приняли эпохальное решение – дружно покинуть Землю со всем своим промышленным высокотехнологичным барахлом, нещадно загадившим её в предыдущие века, чтобы окончательно не загубить и так подорванное экологическое здоровье планеты. Благо развитие технологий уже позволяло перевернуть подобное переселение. Было решено всю индустриальную мощь человечества сосредоточить на других, так называемых, мертвых планетах, то есть непригодных для полноценной жизни новоявленных колонизаторов, таких, например как Марс, Шельер или Ювэкс, где ущерб от нашей кипучей деятельности был бы минимальным в экологическом плане. На планетах же, которые по основным параметрам подходили для сносного житья нашей расы, были оборудованы первые колонии, которые довольно быстро разрослись в густонаселенные но, тем не менее, экологически чистые мегаполисы. Дальше больше – когда нам не стало хватать места в уже обжитых ближайших звездных системах, мы стали подселаться в ареалы оби-

тания других разумных рас, с одними быстро находя общий язык, с другими – только после хорошей заварушки, с активным участием нашего гвардейского Военно-Космического Флота и парней из звездной десантуры (несмотря на то, что довольно много рас было гораздо старше человеческой, в военной сфере мы были впереди галактики всей).

Но что-то я опять ушел немного в сторону. Давайте вернемся к Земле.

Так вот, пока наши инициативные предки осваивали новые космические горизонты, оставив Землю в покое, а точнее отправив её на заслуженный отдых, она, Земля, тоже не стояла на месте. Продолжала крутиться вокруг Солнца и... восстанавливаться после «проделок» своих «обормотов». В видеоучебниках по истории человечества говорится, что не прошло и пары столетий как на Земле стерлись все воспоминания о нас, её безалаберных детях: стеклобетонные города превратились в песок, стальные космодромы в труху, а углепластиковые автобаны в пыль. И все это поглотилось буйно разросшейся земной флорой, в которой расплодилась ранее практически уничтоженная земная фауна. Без нас Земля вздохнула полной грудью. Океаны и моря очистились, и в них вновь заплескалось невероятное количество водной живности. Атмосфера, благодаря расправленным «легким» планеты, тоже «проветрилась», заблагоухав ароматами цветов, распутившихся на всех материках, за исключением какого-то одного, вечно занесенного снегом и заточенного

льдами. В общем, прекрасная планета Земля вновь помолодела и начала свою жизнь с чистого листа.

А что люди?! Несмотря на то, что уже несколько десятков поколений человеческой расы рождалось, жило и благополучно умирало вдали от Земли, мы, её полномочные представители во всех уголках галактики, все как один, упорно продолжали с гордостью называть себя землянами, сохраняя таки образом память о нашей исторической родине.

Потому что, как сказал один древний мудрец – «Земля – как много в этом звуке, для человеческих сердец сплелось...»

Ну, а если быть до конца честным, то стоит добавить, что люди, когда пронюхали, что в их некогда ими же загаженной «колыбели» вновь буйным цветом зацвели райские кущи, в которых развелось много-много вкусной, полезной и экологически чистой живности, всенепременно захотели вернуться «домой», ибо велик был вечный зов затерявшейся в звездных пучинах исторической родины, да и, чего скрывать, условия жизни на некоторых обжитых планетах-колониях оставляли желать лучшего.

Ничего не поделаешь, пришлось властям ставить кордоны, чтобы блудные «сыны» и «дочери» опять не набедокурили на Земле, едва отошедшей от шока после их недавнего по историческим меркам присутствия.

Под страхом тюремного заключения, а при отягчающих обстоятельствах и более сурового приговора, было законо-

дательно запрещено приближаться всем без исключения расам, и в особенности землянам, то бишь человечеству, не только к Земле, но даже к Солнечной системе. А для контроля данного запрета вокруг системы были выставлены стационарные и мобильные посты межпланетной полиции, контролировавшей все подступы к ней. Благодаря новым охранно-контрольным разработкам, в том числе позаимствованным и у других рас, контроль был тотальный, при котором даже, как гласит старая поговорка, летучая мышь в стэлскафандре не прошмыгнула бы. Однако, несмотря на принятые меры, желающих посетить Землю меньше не становилось. Хотя, по официальным данным, ни один из тех самых «желающих» так и не добрался даже до второй линии перехвата. Всего же таких кордонов было, вы не поверите, семь!

Единственными, кому официально разрешалось совершить экскурсию к Земле, были выпускники Военно-космической академии, то есть те товарищи, которые получали лейтенантские звезды и пополняли славный и победоносный Военно-Космический Флот Конфедерации – гарант мира и стабильности в нашей дружной многорасовой галактике. Как вы понимаете, этот бонус был выбит вояками не просто в качестве познавательной экскурсии. В первую очередь он преследовал цель патриотического воспитания. Военные психологи посчитали, что среднестатистический землянин, рожденный на задворках галактики и доучившийся до офицер-

ских звездочек, увидев «беззащитную» Землю во всем её великолепии, немедленно проникнется возложенной на него ответственностью до глубины души и начнет служить на всеобщее благо и процветание вдвойне, а то и втройне ретивее, чем, если бы без этого. Правда, к слову сказать, это была всего лишь обзорная экскурсия, даже без кратковременной посадки или десантирования. Но, со слов старших товарищей, и данной процедуры, позволявшей вблизи увидеть открывавшийся вид земных пейзажей, и в самом деле каким-то непонятным образом влиял на неокрепшую психику и мировоззрение молодых офицеров, оставляя в их горячих сердцах зарубку на всю оставшуюся жизнь.

И вскоре мне предстояло испытать нечто похожее.

Вы спросите кому мне?

Итак, мы дошли до самого главного – до главного героя, то есть до моей скромной персоны.

Разрешите представиться?!

Впрочем, если даже вы и не разрешите, я все равно сделаю по своему, ибо мне всегда были малоинтересны чужие желания, мнения и хотения. И посему представляюсь с или без вашего разрешения.

Траян! Траян Достославский!

Хмыкните, что за архаичное имя. Почему не одно из модных нынче имен типа Кварк, Бозокс или Нейтрул. Я и сам по младым годам немного стеснялся, а потом ничего, свыкся и даже стал гордиться тем, что хотя бы именем выделяюсь из

толпы «элементарных частиц».

Теперь пару слов откуда имя.

Мои родители были большими почитателями истории до-космической эры. Они просто балдели с тех времен, в которых люди жили себе преспокойно на Земле и вполне серьезно считали, что Солнце не просто кружится вокруг планеты сплюсненной слонами с одной и черепахой с другой, а (вдумайтесь только!) просыпается, словно живое, всходит по небесным ступеням на небосвод, целый день идет из одного конца неба до другого, чтобы там спуститься с небосвода и вновь завалиться спать. Короче говоря, темные века!

И мои родители интересовались именно этим временем, в котором жили наши далекие-предалекие предки и всем что с ним связано. Видимо, благодаря этому безобидному хобби, они и назвали нас, а нас в семье родилось трое, тоже своеобразная дань моде того дикого времени.

Моего старшего брата, на радостях нарекли Первославом, среднего братишку окрестили Велидаром, а меня не заморачиваясь наградили тем именем, на которое я откликаюсь вот уже без малого четверть века.

Мои дорогие мама и папа, как и все нормальные земляне по молодости болели заразной хворью под названием «страсть к космическим путешествиям». Ещё студентами они записывались во все возможные стройотряды, которые направлялись в разные уголки галактики для обустройства новых и модернизации старых колоний и баз. Получив ди-

плумы о высшем образовании, они незамедлительно зачислились в дальнюю научную экспедицию и умотали едва ли не на край Вселенной, или, как говорилось в древних сказках, за тридевять звездных систем, и вернулись из нее уже в весьма солидном возрасте. В таком, что даже неудобно говорить вслух. Получив от главного в своей жизни путешествия кучу положительных эмоций и воспоминаний, а к ним в качестве бонуса и неплохой гонорар, родители осели на Ультраксе – чудесной планетке с практически земными тактико-техническими характеристиками объекта, являвшейся одним из административных центров Конфедерации и по совместительству самой современной учебной базой человечества. На Ультраксе располагались все ведущие университеты и академии нашей расы, в том числе и знаменитый на всю галактику МГУ – Межзвездный Государственный Университет, куда представители иных рас принимались лишь по ограниченным квотам, а также моя родимая Военно-Космическая академия, куда окромя землян разрешено было поступление самых близких наших союзников – ликурийцев.

Конечно, где ещё могли пустить корни двое пожилых ученых как не на подобной «земле обетованной». Прикупив в пригороде столицы небольшой двухэтажный особняк с кучей роботизированной прислуги, родители решили обзавестись потомством, хотя врачи им уже категорически не рекомендовали рисковать. К слову сказать, врачи нашего времени практически всем не рекомендовали рожать естествен-

ным путем, ведь куда проще и безопаснее было вырастить сыночка или дочку в «пробирке», благо развитие науки позволяло. От доноров, в смысле от будущих счастливых родителей, требовались сущие пустяки – семя и яйцеклетка – и уже через три месяца (а именно столько «вынашивался» в усовершенствованной «пробирке» здоровый малыш), будьте добры, придите и распишитесь в получении своего угукающего розовощекого отпрыска. Этой возможностью в настоящее время пользовалось почти девяносто девять процентов людей. И то верно, ради чего мучиться девять месяцев, когда уже через три месяца на выходе будет тот же результат. В смысле здоровый и соответствующе развитый ребенок.

Но и наша будущая мать, и особенно будущий отец тоже не менее категорично отвергли такой бездушный подход к делу. Наверное, как ученые, они знали немного больше, чем другие, и потому решили вынашивать своих будущих детей так, как это делали их те самые далекие предки тысячелетия назад. В общем, уже через год после возвращения из экспедиции в их доме завершал долгожданный малыш, мой старший брат Первослав, славный первенец. Роды прошли тяжело и, несмотря на всю продвинутость медицины роженицу едва откачали. Врачи опять сурово поцыкали и ещё более категорично запретили им рожать. Однако уже через год с небольшим на свет появился второй долгожданный юнец. Как вы догадались, его назвали Велидаром, то бишь великим

даром.

Во второй раз врачи промучились со своенравной роженицей не так долго, но зато с плохо скрываемым злорадством уведомили моих родителей что, увы, детей у них больше таким способом делать не получится и в очередной раз напомнили о прекрасной возможности занять сколько угодно чудных карапузов посредством высоких «пробирочных» технологий. Родители отказались от «заманчивого» предложения и даже не расстроились вынесенному вердикту эскулапов. Родить двоих детишек естественным способом в наше время уже считалось в их кругах бо-ольшим подвигом, и даже чуточку безрассудством. Так что всю свою энергию они направили на Первослава и Велидара. Правда, судя по тому, что историю моей жизни вы слышите из моих уст «шалить» они не перестали. Где-то через пару-тройку лет мать «обрадовала» отца, что они скоро станут «трижды героями». Так что совсем скоро после её заявления на белый свет, под ворчанье акушеров и бурные аплодисменты присутствовавших на родах многочисленных друзей и коллег родителей (а что, обычная практика, все равно, что прийти на день рождения к другу) на свет появился ваш покорный слуга, который на деле оказался не таким уж покорным, а ещё неусидчивым, взбалмошным и хулиганистым. Вот что значит поздний ребенок. Ну да ладно, не об этом сейчас, а об имени.

Когда счастливых родителей, присутствовавший в палате клерк ЗАГСа спросил какое имя младенца внести в цен-

тральный архивный сервер, они впали в ступор. Об имени-то в этот раз они и не подумали, так как особо меня (в смысле ещё одного ребятенка) уже и не ждали, и, я так подозреваю, попросту понадеялись в этом вопросе друг на друга. Тогда отец, быстро пошарив на антресолях своей памяти, вспомнил одно старое доброе имя, естественно с глубоким философским смыслом.

– Неждан! Да, да, мы ведь совсем не ожидали нашего третьего сына! Да! Мы назовем его Нежданом! – воскликнул он и обвел победоносным взглядом притихшую палату, остановив его на супруге. – Как тебе дорогая?

Моя мать хоть и любила отца безумно, и практически во всем с ним соглашалась, но в этот раз опротестовала его предложение. Наверное, послеродовой стресс сказался.

– Ни в коем случае! – устало покачала она головой и после небольшого раздумья произнесла. – Давай-ка назовем его Венцеслав. Так как впредь мы будем предохраняться, и это не обсуждается, то пусть наш последний сын станет славным «венцом» нашей любви.

Боюсь, мамуля, впрочем, как и батя, точно находились в стрессовом состоянии, ибо в нормальном душевном состоянии таких имён своим детям в наше время никто бы не дал. Я так подозреваю, что и моим старшим братьям имена выбирались примерно в таком возбужденном настроении. Но все равно Первослав и Велидар, а в подростковом возрасте в кругу своих одноклассников «Славян» и «Вэл», это вам не

«Неждаха» или «Венча» (то что во втором случае меня тоже будут звать Славяном, как и старшего брата, было под великим сомнением). Одноклассники во все времена спуска не давали, особенно если это касалось какого-нибудь «креативного» имени соседа по парте. Но, слава звездам, среди многочисленных гостей моих родов нашлась ещё одна любительница древних имен, только в данный момент более вменяемая, чем мои родители, одна из маминых подруг, которая предложила свой вариант имени.

– А назовите малыша Траяном! Он ведь у вас третий сын? Я читала, в древности зачастую третьего сына именно так и называли. А нынче это будет самое редкое имя во всей галактике.

Родители подумали, подумали и согласились. Как говорится – ни вам, ни нам.

С тех пор кудрявый непоседа и озорник Траян изрядно попил кровушки не только у матери с отцом, но и у старших, менее беспокойных и значительно более интеллектуально развитых братьев.

А что вы хотите, даже в древних сказках, которыми перед сном нещадно пичкали нас родители (потому что считали их кладезью народной мудрости), третьим сыном рождался либо ну совсем непробиваемый «Иванушка-дурачок», либо самый что ни на есть «Иван-богатырь». Кто в итоге получится из меня, обычно проницательным родителям было непонятно. Вот, наверное, почему они так вздыхали, читая

сказки всем нам, а поглядывая на меня. Или я просто себя накручиваю?

Но, как бы то ни было, годы шли, я рос, а вместе со мной росли и опасения моих родных по поводу меня и моего будущего. Братья, окончившие школу с отличием, без труда поступили в МГУ – Мечту Галактических Умников. Первослав пошел на факультет экотехники – тот самый, выпускники которого проектировали и создавали необыкновенные чудо-приборы, способные превращать мертвые планеты в благоухающие оазисы. Это была мечта моего брата – вдыхать жизнь в новые миры, расширяя ареал обитания живых существ. Велидар годом позже поступил на курсы астромеханики – стал учиться на разработчика специальных устройств, позволявших проникать в тела звезд всех видов, для изучения их строения и применения полученных сведений в других сферах науки. Эти одаренные ребята были гордостью родителей и уже в скором будущем вполне могли стать ведущими специалистами престижных научно-производственных корпораций.

Я же, несмотря на уже вполне оформившийся характер, – весьма шальной и суматошливый, доложу я вам, – все ещё никак не мог определиться со своей будущей профессией. Наука меня не привлекала. Хотя нет, не так выразился. Наука меня привлекала частично, особенно химия, но правильно будет сказать, я науку не привлекал. Не знаю чем, но чем-то я её прогневил. Не хотела она даваться мне. В школе

сплошные тройки по основным предметам. Только по физической подготовке твёрдая как мой бицепс пятерка. Так что, при всем желании и связях моих родителей и заоблачном авторитете братьев в нормальный, в смысле гражданский ВУЗ мне поступить не светило. А, честно говоря, меня в подобные заведения особо и не тянуло. Моей вольнолюбивой натуре претило добровольное заключение в учебных лабораториях. Хотелось чего-нибудь эдакого. И вот тут я вспомнил о Военно-Космической Академии! В ней, родимой, как раз таким как я место. Тем более, что по неподтвержденным слухам, в данное заведение с превеликим удовольствием брали даже махровых троечников, если они были «естественнорожденными». Как я уже говорил выше, в среднем лишь один человек из сотни был зачат классическим способом, выношен в течение отведенного природой срока и в муках рожден женщиной. Остальные девяносто девять «вылуплялись» из «пробирки». Но нас «естественнорожденных» хоть и было меньшинство, но мы были «в тельняшках», то есть именно в военной среде наш брат чаще других выбивался в люди, в смысле в большие начальники. А все потому, что, как считали сами военные, мы в отличие от «геномодифицированных» были способны не только на непрогнозируемые поступки, но и на нешаблонные решения и все такое, которые в Боевом Уставе назывались разумной инициативой. Так что это был самый лучший выход для меня! Поступить в нормальный (в моем понятии) ВУЗ, чтобы получить высшее

образование и не огорчить окончательно родителей, обзавестись почетной профессией, позволявшей не только открывать многие двери ногой (Ибо Военный Флот это сила! Это каста! Это у-ух!), но и бесплатно мотаться по Галактике на солидном звездолете, а если повезет, то поучаствовать в дозорно-разведывательных рейдах и за ее пределами.

В общем, на семейном совете мое решение было единогласно поддержано всеми членами семьи, включая жен моих старших братьев, таких же «высоколобых» как и они суперинтеллектуалов, в очках с квазилазерными линзами.

Поступить в Академию было несложно. Тесты даже для меня оказались легкими или я был все же не настолько тупой, а просто казался таковым на фоне гениальных братьев. А может быть одно из философских изречений моего флегматичного отца – лучше быть последним в школе для одаренных, чем первым в заведении для недоразвитых – было не простым афоризмом, но как бы там не было я стал курсантом академии, готовившей первоклассное пушечное мясо оперативно-тактического звена для нашего победоносного флота. Но оказалось, что поступить было куда легче, чем проучиться там и не вылететь. Нет, с учебой, к моему собственному удивлению, особых проблем не возникало. Все-таки за моими плечами была элитная гимназия, куда я затесался под шумок, поднятый вокруг моих гениальных братьев. Проблема была с дисциплиной. Я, сам того не желая, частенько влетал в какую-нибудь передрагу, после которой

прямоком отпраплялся на старомодный ворсистый ковер к адмиралу Флоккулову – начальнику академии, для получения очередной порции «звездюлин». К третьему курсу адмирал по вполне понятным причинам стал хорошим знакомым моих родителей, поэтому старый отставной вояка без лишних слов включал видеофон, вызывая на связь отца и мать, чтобы они тоже «поприсутствовали» при рассказе очередной моей захватывающей истории о причинах опоздания из увольнения или организации масштабной драки с моими заклятыми друзьями ликурийцами, представителями рептилоидной расы. Мать, после моего полного смирения рассказа, как всегда ударялась в слезы, меланхоличный с виду отец играл желваками и спокойным тоном, за которым чувствовались еле сдерживаемые гром и молнии, упрекал меня, пытаясь в который раз достучаться до моего благоразумия. Я, несмотря на все это, честно отнекивался и ссылался на непреодолимые обстоятельства. Затем меня выгоняли за дверь. Родители долго о чем-то разговаривали с адмиралом, о чем не знаю, но после этого вместо позорного пинка под зад в сторону КПП, меня награждали либо несколькими нарядами вне очереди, либо гауптвахтой (в зависимости от величины проступка).

Отмотав положенный срок, или, на радость роботам-уборщикам, стерев определенное количество зубных щеток в казарменных туалетах, я вновь становился в курсантский строй. К шестому курсу я стал уже более серьезен (и даже

чуть не женился!), повзрослел что ли, по мелочи редко залетал, в крупные авантюры так и вовсе старался не влезать, так что наши курсовые офицеры перестали махать на меня рукой, поверив, что из меня кое-что, да и получится. Ну а на седьмом выпускном курсе мне сам несуществующий по официальной версии Бог велел ходить тихо и спокойно, чтобы не дай тот самый Бог не спугнуть уже практически пришвартовавшиеся на плечи лейтенантские погоны.

ГЛАВА 2. ЭТО ЗАЛЁТ, БОЕЦ!

Итак, не прошло и семи лет как я, – вуаля! – уже свежееиспеченный лейтенант Военно-космического флота Конфедерации и наш учебно-боевой крейсер, полный молодых и зеленых офицеров, в свою очередь переполненных надеждами и планами на будущее, в настоящее время направляется прямиком к Солнечной системе. Там молодая поросль должна была с умилением поглазеть на свою историческую родину – заповедную планету с прекрасным названием Земля.

Итак, повторяюсь, наш звездолет, с официальным разрешением преодолев все семь кордонов, завис на околоземной орбите, чтобы совсем скоро мы, молодые офицеры, могли спуститься на нескольких челноках в плотные слои земной атмосферы и сделать кружок другой над планетой, делая остановки над её наиболее живописными местами. До подъема и последующей незабываемой экскурсии оставалось несколь-

ко часов. Личный состав, находившийся на крейсере за исключением вахтенных и дежурной смены на капитанском мостике, находился в крепких объятиях Морфея. Однако спали не все, кое-кто делал вид что дремлет, ожидая условного сигнала от меня.

Я и ещё два моих дружка-подельника, ликуриец Гебуч (поближе к выпуску я все же нашел общий язык с братьями рептилоидами) и такой же, как я «естественнорожденный», а потому почти такой же как и я «баловень судьбы», Макс Сарос, терпеливо ждали, когда «старпом» пересчитает наш лейтенантский кубрик и продолжит обход. Дождавшись заветной минуты, мы неслышно вылезли из гамаков и, натянув комбинезоны, наведались в один из смотровых отсеков. Через толстенные, но прозрачные как слеза иллюминаторы нашим взорам предстала Земля во всем своем скромном величии. Она плыла в плоскости эклиптики по безграничному пространству как королева галактики. Голубая, с зелеными пятнами материков и белыми шапками полюсов, она казалась мне таинственной незнакомкой, роковой красоткой, если хотите – галактической Джокондой – манящей и в тоже время пугающей.

Короче говоря, насколько я считал себя много чего повидавшим, в меру циничным и бесчувственным хлопцем, а и то сердечко при виде Земли-матушки, колыбели человеческой цивилизации, екнуло.

– Пошли назад, пока нас не застучали! – подал голос

ворчун Макс, то и дело, оглядываясь на открытый входной люк. – Завтра уже вблизи Землю рассмотрим. А то если сейчас спалят, могут в наказание и отказать в прогулке к планете. Будем к дульбурги на корабле торчать, в этот самый иллюминатор таращиться, пока другие на экскурсии веселиться будут.

Эх, Макс, Макс, хоть мы с тобой знакомы с первого курса, а ведь по сути ты меня вовсе не знаешь.

– Мужики, у меня гениальная идея! – подозвав знаками сообщников, заговорщицки прошептал я. – А что если мы технично, по всем правилам диверсионно-разведывательной науки, угоним один из челноков и по-настоящему, так сказать по-взрослому, посетим планету. За пару часов туда-сюда обернемся, никто и не узнает. Как вам?

– Ты что сдурел?! Нас же посадят к чертям собачьим! – округлил глаза Макс и широко разинул рот (видимо, тот самый случай, про который говорят – челюсть отвалилась).

– Я тоже считаю твоё предложение чересчур авантюрным, – спокойно, без эмоций произнес Гебуч, у которого в отличие от Макса на лице не дрогнул ни один мускул, наверное, потому что у рептилоидов лицевая мимика весьма скудная. – Да и по большому счету, ваша Земля, с которой ваша раса носится как самка с первым яйцом, для меня всего лишь одна из тысяч других планет. Вот если бы побывать дома, на Ликурии.

Рептилоид мечтательно закатил свои вараньи зенки.

– Короче, кто со мной тот герой! – непреклонно произнес я, переводя взгляд с одного товарища на другого.

– Да ну тебя! – скривился Макс. – Это уже не смешно! Делай что хочешь, а я спать!

Макс наигранно зевнул, развернулся и торопливо ушел в сторону спального отсека.

– Я так понял, ты тоже не пойдешь.

– Нет, Траян, это приключение мне неинтересно, – виновато вздохнул ликуриец. – Но если ты считаешь, что тебе обязательно надо побывать на Земле, то я не стану тебя отговаривать, а скажу только – пусть сопутствует тебе удача!

– Спасибо!

– Пока!

– Покедова!

Рептилоид тоже ушел, а я ещё немного полюбовавшись видом Земли с орбиты и, утвердившись в своем решении посетить её во чтобы то ни стало, направился к взлетно-посадочному сектору, где стояло несколько десятков готовых к вылету челноков.

Сказать, что решение было спонтанным, я не могу. Я давно хотел, наверное, как и многие земляне, побывать на Земле, просто пройтись по траве её лугов босыми ногами, зачерпнуть воды из ручья, послушать пение земных птиц, вдохнуть аромат земных цветов. Понятно, что все это можно было прочувствовать и в псевдоземных «зоо-дендро-аквапарках», специальных резервациях, имевшихся на многих

наших планетах. Но все это было хоть и настоящим, выращенным из видов, вывезенных в «Ноевых ковчегах» с Земли, но все же, далеким от оригиналов. Те же деревья, цветы, кусты, животные, птицы, рыбы, в свое время вывезенные с Земли и разведенные для будущих поколений в этих резервациях, все равно, как мне казалось, не могли передать всей палитры земной природы. А все потому, что это была не Земля.

И ещё одно немаловажное обстоятельство – я с детства мечтал попробовать настоящую землянику, единственную земную ягоду, которую, несмотря на огромный технологический опыт выращивания всевозможных культур в различных средах, так и не смогли вывести на других планетах. А если что-то похожее и выводили, то это, на мой взгляд, была не земляника, а что-то другое. Потому что я считал, что ЗЕМЛЯНИКА может расти только на ЗЕМЛЕ, и никто не смог бы переубедить меня в обратном.

Так что, увидев Землю в иллюминаторе, я окончательно потерял остатки благоразумия, к которому постоянно апеллировал отец, и решил пойти на этот рискованный шаг, чтобы вновь ступила нога человека относительно разумного на свою историческую родину.

Кто-то из вас скажет, ну ты Траян и оболтус, ради горсти земляники рисковать карьерой и, возможно, свободой. А я так скажу, поживите-ка на других планетах, не имея возможности хотя бы прикоснуться к колыбели своей расы, тогда

критикуйте. В противном случае, помалкивайте в тряпочку.

В общем, я пошел!

То есть уже пришел. В ангар.

Тишина. Никого. Весь персонал сопит по кубрикам и видит лазурно-розовые сны. Вот и здорово!

Челнок я выбирал недолго, потому что знал какой брать на прокат. Взял самый маленький, санитарный, в бортовом компьютере которого, кстати, были прошиты практически все коды доступа, в отличие от обычных челноков. А так как я знал пароли к основным кодам доступа, благодаря знакомству с одной симпатичной и страстной особой из шифровального отдела нашей академии (кстати, той самой на которой я едва впопыхах не женился), то санитарный челнок мне подходил как никакой другой. Так что зря мои дружки испугались лететь со мной, риск «спалиться» был минимальный.

Забравшись в челнок, я проверил все системы, включил антиграв и, подняв судно на полметра от площадки, выпрыгнул и вручную затолкал его в стартовую камеру. Закрыв за собой внутренний шлюз, я вновь занял место за штурвалом челнока, задраил в автоматическом режиме его входной люк и ввел код открытия наружного шлюза. Стена передо мной плавно разъехалась в стороны, позволяя беспрепятственно покинуть звездолет.

Ох, чуть не забыл! Вот же растяпа! Но все равно красавчик!

Ругая себя за рассеянность и одновременно хваля за свое-

временное исправление недочета, я ввел совершенно секретный код, к которому я по своему рангу вообще-то не имел доступа, и который включал режим антипеленга. Это режим был активирован для того, чтобы мою безобидную вылазку не засекала недремлющая в отличие от остальных автоматика звездолета и не подняла никому не нужную тревогу.

Ну что же! Вперед и с песней!

Точнее в режиме полного радиомолчания.

Аккуратно, как на занятиях по вождению, я потянул штурвал на себя, и челнок бесшумно выплыл наружу. Чтобы меня не заметил вахтенный на мостике, я провел челнок по левому борту корабля, едва не касаясь его обшивки и, дойдя до разгонных двигателей на корме, направил судно прочь от корабля, держа курс так, чтобы огромные сопла движков скрывали меня от любопытных глаз. Когда звездолет за мой спиной превратился в маленькую точку, а я для потенциальных «любопытных глаз» и вовсе растворился на фоне других «звездочек», я смело направил челнок к Земле. С каждым километром, приближавшим меня к планете, я чувствовал, как во мне нарастает волнение, как все сильнее начинают дрожать руки на штурвале. Что-то похожее, только в разы меньшее, я чувствовал, когда шел на первое свидание со своей неудавшейся «невестой», а ещё когда шел в первый раз «на ковер» к начальнику академии.

Ах, этот первый раз!

Войдя в плотные слои земной атмосферы, я силой воли погасил волнение и взял себя в руки. Включив обзорные тепловизионные камеры, я стал высматривать подходящее место для посадки. Пролетев над северным полюсом планеты и преодолев покрытое льдами водное пространство, я снизился до нескольких сотен метров и уже твердой рукой направил челнок вглубь огромного материка. Судя по тепловизорам, уже через несколько минут криолитозону, которая в учебниках именовалась зоной «вечной мерзлоты» сменили бескрайние пространства лесного массива, который если я не ошибался, назывался тайгой. Чтобы лучше рассмотреть волновавшееся внизу зеленое море я снизил скорость своего летучего скакуна и стал наслаждаться проплывающими подо мной пейзажами. Как гласили соответствующие разделы учебника по общегалактической биологии, именно в такой таежной экосистеме должна была произрастать земляника. Если учебник не врёт, то дальше по направлению должны пойти лесостепи, степи, полупустыни, пустыни, где землянику отыскать будет намного труднее. Это значит, что мы на месте.

Я принял решение приземляться на первой уже удобной площадке, которую, кстати, долго искать не пришлось. Ею оказалась небольшая живописная полянка с трех сторон окруженная высокими деревьями, а её четвертая сторона омывалась небольшим лесным озерком. Лучшего места для первой прогулки по Земле вряд ли можно было подыс-

кать. Переключив силовую установку на антиграв, я аккуратно, чтобы сильно не повредить траву посадил челнок посреди поляны и с замиранием сердца нажал тумблер открытия люка. Люк с тихим жужжанием раскрылся, и прогретая кабина наполнилась прохладным земным воздухом, в котором витали потрясающие ароматы летнего девственного леса. Сделав несколько глубоких вдохов, я почувствовал головокружение – земной воздух пьянил не хуже арвилонской самбуки. Выждав, когда первоначальный стресс уляжется, я на ватных ногах выбрался из кабины в густые заросли шелковистой травы, которая доходила мне до пояса, и направился к озеру.

Пока что все шло по плану. Я шагал по земной траве для того чтобы прикоснуться к воде земного озера.

Здесь, на месте выбранной мной посадки, тихое утро только начиналось. Показавшееся над горизонтом Солнце едва осветило верхушки шумевших на ветру деревьев, но было уже достаточно светло, чтобы разглядеть то, ради чего, по сути, я и решился на эту вопиющую авантюру. Недалеко от берега, на стенках небольшого тенистого овражка, по дну которого журчал ручей, впадавший в водоем, я, наконец, увидел заросли земляники. Её сложноформенные тройчатые листья, которые я не раз рассматривал на видеокаталогах, я бы не спутал ни с чем другим. И где-то между ними должны скрываться скромные ягоды, которые больше не росли ни в одном уголке галактики. Даже точно не зная

какие они на вкус (но я читал, что они сладкие с терпкой кислинкой, то есть именно с таким вкусом, который я обожаю), я уже почувствовал как мой пересохший было от волнения рот, наполнился слюной предвкушения. Спустившись в овраг, я развел руками упругие листья с сетчатыми прожилками и увидел сочные темно-красные ягоды усыпанные множеством точек-зернышек. Вот она – ЗЕМЛЯНИКА. Трясущимися от волнения руками я аккуратно отделил несколько ягод от стебельков, набрав небольшую пригоршню. Ещё раз оглядев ароматные бусинки на ладони я потянулся к ним губами и... почувствовал, как что-то неприятно кольнуло меня в незащищенную комбинезоном шею. Ах да, я совсем забыл про земных комаров. Если учебники не брешут, то они здесь должны быть весьма кровожадными. Свободной рукой я шлепнул по зудящему месту на шее... еще глубже вогнав миниатюрный дротик с ампулой сильнодействующего барбитурата. Еще не до конца осознав, что за катастрофа случилась я уже почувствовал слабость в теле и усыпляющий шелест в голове. Мои руки безвольно опустились, пальцы разжались, спелые бусинки ароматных ягод выпали из ладони прямо в ручей и поплыли в сторону озера. Печальным затуманенным взором я проводил их, затем попытался сфокусировать взгляд на кружившим надо мной автономном дроне. Так толком и не разглядев его, я потерял сознание и упал лицом в земляничный куст. Жаль, конечно, что все так получилось, а ведь я почти что попробовал землянику...

Сказать что я своей вылазкой, или выходкой (считайте как хотите) произвел большой переполох, не сказать ничего. Это был самый настоящий фурор.

Меня, мирно дремлющего на матушке-Земле, взяли под белы ручки и даже не разбудив, запаковали в камеру заключения на полицейском катере. Затем, пока я безмятежно дремал, охранным ведомством заповедной Земли нашему военному командованию была выставлена нота протеста в связи с действиями их подопечного, то есть меня. Флот, в свою очередь, прислал в срочном порядке своих военных следователей для участия в досудебных разбирательствах. Наш учебно-боевой звездолет во избежание дальнейших эксцессов, был срочно выведен за пределы Солнечной системы из-за чего бедные пацаны, мои однокурсники, так и не побывали на долгожданной экскурсии. Представляю, себе как они материли меня, отправляясь с околоземной орбиты несолоно хлебавшими. Ну да это цветочки. Те самые ягодки, которые я так и не попробовал, вышли мне боком, когда я проснулся. Даже пересказывать не хочу, что мне удосужилось пережить, и еще меньше хочется вспоминать, что пришлось выслушать.

Мне светило несколько лет провести за крепкими прутьями решетки в Аль-Бункерке – планете-тюрьме, которая целиком и полностью использовалась Конфедерацией исключительно для благих исправительно-трудовых целей. В прин-

ципе меня мурыжили недолго. Всем было ясно, что я совершил это «преступление» не в корыстных целях, а от не очень большого ума и «острого шила» в одном месте. С чем я тоже категорически соглашался, по крайней мере, внешне, чтобы срок хотя бы немного скостили. Проверив на всяких хитрых детекторах и подержав ещё несколько суток на суб-орбитальной полицейской базе, меня вскоре отправили под присмотром военных следователей, – куда бы вы думали? – на Ультракс, представляете, в мою родную Военно-космическую академию. Насколько я догадался из разговоров конвойных, ехал я на свидание с адмиралом Флоккуловым. Видно старый флотский волк каким-то чудесным образом разрулил неловкую ситуацию, замяв сей прискорбный инцидент.

Ну, здравствуй мой старый знакомый – старомодный ворсистый ковер! Как я рад тебя видеть, дружище!

В разы больше я был рад видеть нашего кряжистого адмирала. Неужели этому угрюмому строгому уставщику, который наверняка подключил все свои обширные связи, удалось вытащить меня из очередной передраги?! Что сказать! Настоящий мужик! Батяня!

– Здравия желаю, товарищ адмирал! – звонко поприветствовал я начальника и впился в него затравленным, но почти влюбленным взглядом – что же старик скажет в ответ.

– Здравствуй, Траян, здравствуй дорогой! – устало кивнул он, поглядывая на меня своим фирменным тяжелым взглядом из-под седой шевелюры.

Я отметил, что впервые за семь лет он назвал меня «дорогим», и мысленно возликовал что я, несмотря ни на что дорог родной академии пусть и в лице одного адмирала. Однако старик меня огорошил.

– Да-да, ты не ослышался, дорогой мой. В том смысле, что дорого мне обошлись твои очередные выкрутасы. Едва должности не лишился. М-да, подвел ты меня, да и всю нашу «кузницу кадров».

Готовый расплыться в самодовольной улыбке, я сконфужено потупился.

– Извините, что не оправдал ваших ожиданий, – почти искренне покаялся я.

Адмирал с некоторым удивлением взглянул на меня.

– Честно признаться, я не ожидал от тебя оправданий, – ответил он, добавив: – И уж тем более извинений. Хотя проку от них немного.

Чтобы хоть как-то ободрить начальника в этот неловкий момент я горячо произнес:

– Товарищ адмирал, в это трудно поверить, но я понимаю, что наломал дров, хотя всего лишь сорвал несколько ягод земляники, которую, к сожалению так и не попробовал, и я даю честное офицерское слово, что больше такого не повторится. Впредь я больше не позволю себе подобных необдуманных выходов и сделаю все, чтобы вы гордились мной как одним из своих лучших выпускников, – я говорил и сам себе не верил, но остановиться уже не мог. – С прошлым покон-

чено! – горячо воскликнул я, – Возможно я только сейчас осознал, что на моих плечах уже не курсантские вензеля, а лейтенантские звезды, а это означает не только большие права, но и высокую ответственность. Я буду стараться изо всех сил, чтобы искупить свою вину! Да я в лепешку...

– погоди, Траян! Угомонись! – поднял руку адмирал. – Я прекрасно знаю, как красиво ты умеешь молотить языком. Поэтому давай обойдемся без твоего псевдопатриотического пафоса.

– Давайте! – не моргнув глазом, кивнул я.

Я-то тоже понимал, что флотское начальство меня «отмазало» от заключения не только по своей доброте душевной, а и потому, что я был довольно дорогой «игрушкой», чтобы вот так взять и выкинуть меня на «помойку». Я, как и все кандидаты в офицеры флота, доучившиеся до седьмого курса, был напичкан всяческими гаджетами, отчего совсем чуток не дотягивал до почетного звания «киборга». Нет, тело и мозги были моими, только немного модернизированными. Та же моя дыхательная система, после небольшого технологического вмешательства могла преспокойно функционировать в обедненной кислородом атмосфере до суток, позволяя выполнить поставленную задачу, а уже потом со спокойной совестью дать мне умереть. Или, например, кровеносная система. При любом ранении поврежденные участки организма блокировались растворенными в крови нанороботами, чтобы я не околел от потери крови раньше положенно-

го срока. Подобную модернизацию в той или иной степени прошли и другие системы организма, такие как иммунная, нервная, эндокринная, пищеварительная. Не обошли вниманием и костно-мышечную систему, для чего были проведены специальные инъекции, делающими наши кости крепкими как сталь, позволяющими кулаком крушить в песок бетонные плиты, а мышцы при определенных «форс-мажорных» обстоятельствах получали заряд взрывной силы. Все вживленное и встроенное в меня давало моему организму большие возможности, что по идее позволяло мне выполнить поставленные задачи даже со сквозной дырой от среднего калибра в груди. Если наши медики не вралли, то модернизации не коснулись только репродуктивной системы, с которой у меня проблем итак не было. В общем, я догадывался, почему меня отстояли, но делал вид, что этого не понимаю.

– Я как раз хотел с тобой поговорить насчет твоего «искупления вины», – скривившись как от зубной боли, сказал адмирал, и мне почему-то стало немного не по себе, ничего конкретного, просто смутное предчувствие.

– Какой вины? – делая вид, что не понимаю о чем это он, «наивно» поинтересовался я.

– Той самой, – проворчал старик, сурово зыркнув на меня из-под своих кустистых бровей. – Из-за которой мы все тут неделю подпрыгивали.

– А-а, ну да! Я просто думал, вдруг что ещё что-то за мной числится.

– Хватает с лихвой и того что ты уже натворил, – невесело хмыкнул начальник академии. – Короче, как ты уже догадался, мне пришлось подключить все свои старые добрые связи, чтобы вытянуть тебя из грязи, в которую ты по своей глупости сам вляпался по самые... – адмирал безнадежно махнул рукой, – тем не менее, командование Флота согласилось уладить все проблемы с полицией и правительством, но только при одном условии...

– Каком? – в ожидании подвоха, затаил я дыхание.

– Таким! Если ты согласишься на полный срок службы на пограничном кордоне галактики. В противном случае они не стали бы мараться по такому «пустяку» как глупый «зеленый» лейтенант. Мне пришлось уверить их в том, что ты всеми фибрами своей юной души мечтал попасть на «передовую» и готов хоть завтра отправиться в двухгодичный «караул» на дальние подступы к галактике.

Стоп! О чем это он?! О смертниках, которые дежурят на межгалактических просторах вокруг нашей галактики, годами «кукуя» на необитаемых планетоидах напичканных ядерными фугасами по самое «не балуй»?! Он это серьезно?!

– Вы это серьезно?! – как оказалось, последнюю мысль я высказал вслух.

– Серьезней некуда! – состряпав максимально хмурую физиономию, ответил адмирал. – И отправляешься ты туда, как я им и обещал уже завтра. На одном из постов у них как раз свободная вакансия образовалась.

Наверное, он увидел, как я побледнел, потому, что поспешно добавил:

– Заметь Траян, я кое-как выхлопотал, чтобы тебе оставили хотя бы звание младшего лейтенанта, все не мичман.

Блин! Так они меня ещё и разжаловали на одну ступень! Вообще жо... жесь!

Гребаное флотское начальство!

Я прекрасно знал из курса лекций, а больше из разговоров с преподавателями, что такое пограничные посты галактики. Это передний край обороны нашей Конфедерации, так называемая Система оповещения о вторжении. Мы считали нашу галактику одним конфедеративным государством и покамест (замечу – покамест) не претендовали на другие галактики, которые находились от нас на приличном расстоянии и особо нам не досаждали. Однако уже было несколько попыток чужих флотов и отдельных пиратских флотилий пошарить по нашим закромам, посмотреть, чем мы тут в своей галактике богаты. И вот как раз для того чтобы не распылять силы нашего далеко не бесчисленного флота по всей галактике, и были образованы вокруг галактики посты предупреждения о вторжении, которые по совместительству являлись первой линией защиты, предназначенной держать оборону на участке вторжения до подхода основных сил флота, чтобы не дать потенциальному агрессору добраться до густонаселенных систем и навести там шороху. Нести службу на них соглашались, как правило, либо двинутые на всю голову пат-

приоты, либо попавшие в безвыходное положение неудачники, вроде меня. Вторых, к слову, было на порядок больше. И ладно, если бы служба на кордоне была как служба: Подъем! Ать-два! Равняйся! Смирно! По звездолетам! Три-четыре! На разбор полетов становись! Два наряда вне очереди! Разойдись! Отставить! Отбой!

Так нет же, там на планетоидах ничего подобного не было. Там ты был предоставлен сам себе – никакого тебе психованного начальства, над которым можно было за глаза позубоскалить, никакого подчиненного личного состава, который можно было погонять для души. Никого вообще. Два, максимум три бедолаги, наблюдательный пункт с системой управления оружием и кнопкой самоуничтожения, и несколько бездушных роботов, с которыми даже в футбол толком не поиграешь.

В общем, самый настоящий звездный штрафбат!

– Ты чего притих? В ступор впал? – вывел меня из раздумья голос адмирала.

– А-а, да нет! – встрепенулся я. – Просто размышлял, что лучше, провести пять лет в тюрьме, где полно интересного народу, довольно сносные поля для гольфа и круглосуточная видеотека, или два года вдали от цивилизации на необитаемом булыжнике по соседству со скучающим термоядерным фугасом.

– Поздно размышлять, сынок, – вздохнул адмирал, с отцовской грустью посмотрев на меня. – Все документы под-

писаны, теперь даже если ты откажешься, тебя все равно отправят на кордон. Таковы правила.

– Но я ведь не давал согласия, это вы решили за меня! – поняв, что за меня все решено, я позволил себе немного возмущаться.

– Да! Я так решил! – треснул по столу пудовым кулаком адмирал, пресекая в корне возможную попытку ненаигранной истерики с моей стороны. – Да, я поставил твою судьбу на карту! Я сделал это только потому, что вижу в тебе себя молодого! Ты никогда не задумывался, почему ты доучился до звездочек, а не вылетел из академии ещё на первом курсе? Думаешь, твои родители меня уговаривали?! Как бы не так! Просто ты напомнил мне одного молодого человека, которого я знал много-много лет назад, и которому я частенько отдавал воинское приветствие в зеркале, и у него, поверь мне, также как и у тебя, энергия в те годы также выплескивалась через край! Думаешь, ты один из нашей академии пытался проникнуть на Землю? Фигу тебе! – адмирал с трудом изобразил фигуру из трех толстых пальцев, – Первым там побывал я! И, кстати, я за это честно отбарабанил два срока на границе галактики. И ничего, живой, как видишь. Но если у тебя кишка тонка, то можешь распрощаться с флотом и валить, после отсидки естественно, на все четыре стороны. Думаю, твои родители смогут прокормить тебя, или устроить в теплое место рядом с гениями-братцами лазерные указки им подавать. Продолжать?!

– Н-не надо!

Я чувствовал себя так, словно на меня ушат жидкого азота вылили. Я слышал много сплетен, но не знал, что наш адмирал тоже побывал в свое время в штрафниках. А если я не знал, то, значит и вся академия не знала. Это стало для меня откровением!

– Товарищ адмирал, разрешите обратиться?! – одернув китель и встав по стойке смирно, четко произнес я.

– Что ещё?

– Когда прикажете мне вылетать к новому месту службы?

– К какому? – не понял старик, куда я клоню.

– В Галактическое Пограничное Управление, если я правильно вас понял. Кажется, именно оно напичкало кордонами все подходы к галактике.

– Да! Оно... пичкает, – посветлев взором, усмехнулся адмирал, наверное, решил что я не совсем пропащий человек, – Вылетаешь завтра, на нашем почтовике. Они тебя подбросят до погрануправления нашего рукава галактики. Предписание получишь в строевом отделе. Вопросы?

– Никак нет!

– Свободен!

– Есть!

Я молодецкато развернулся на каблуках и сделал шаг к двери.

– погоди! – окликнул меня адмирал.

Я остановился и развернулся своим одухотворенным ли-

цом к начальнику.

– С родителями хочешь поговорить? – рука адмирала потянулась к кнопке видеосвязи.

– Нет! Н-не сейчас! – мой голос дрогнул. – Как-нибудь в другой раз!

– Как знаешь, – покачал головой старик. – Ступай!

– Разрешите?

– Что ещё?

– Если родители будут интересоваться, скажите, что я добровольно вызвался! Надеюсь, они будут гордиться моим выбором!

Адмирал тепло улыбнулся и подмигнул мне.

– Не беспокойся, сынок, я найду, что им сказать. Ты только смотри там не подведи их и... меня.

– Уж я постараюсь!

– Удачи тебе!

– До скорой встречи!

– Ну-ну!

Я вышел за дверь, ещё не воспрянув духом, но уже практически смирившись и успокоившись. Подумав, решил отказать от ужина и пошел к себе в кубрик, чтобы немного отдохнуть и поразмышлять над брэнностью нашей жизни.

Завтра меня ждал долгий путь в самый далекий конец (и ещё чуток дальше) нашей галактики.

ГЛАВА 3. ГЕНЕРАЛЬСКАЯ УБОРКА.

Теперь давайте поговорим о другом герое нашей трогательной истории, жизнь которого разительно отличалась от моей.

Знакомьтесь – Дринч – половозрелая особь мужского пола, типичный представитель своей рептилоидной расы, который всю сознательную жизнь провел на родной невзрачной каменистой Ликурии. Согласен, имя парню подобрали, конечно, ещё то, но не мне его изменять, если уж его так родители нарекли.

Итак, Дринч.

«Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса!» – наверняка каждое утро ворчал он, начиная свой неразличимый среди сотни других будней рабочий день на единственном космодроме планеты. Дринч был обычным уборщиком, вернее «техническим начальником службы контроля гигиены и санитарии космодрома», в подчинении у которого было несколько постоянно сломанных роботов-уборщиков. Поэтому, вместо того, чтобы терять драгоценное время на починку этого металлолома, он садился за штурвал старого, но надежного пылесоса и самолично гонял по залам космодрома, собирая в безразмерный контейнер песок и прочий мусор, задуваемый внутрь купола через вентиляционные шахты, а заодно и полируя пол.

Бедолага Дринч, привычно лавируя между встречающими, провожающими и транзитными пассажирами из разных

уголков космоса, в глубине души мечтал также заливчато уворачиваться от метеоритных дождей на межзвездных трассах, совершая захватывающие путешествия к другим мирам. Он жаждал посмотреть на галактические красоты через иллюминатор звездолета, а не по трехмерному кабельному TV, почувствовать перегрузку в пять единиц на форсаже звездолета, но знать на то она и сокровенная мечта, чтобы не сбываться.

Вместо захватывающих дух межзвездных путешествий он из года в год только и делал, что колесил на пылесосе по осточертевшим до коликов помещениям космодрома, с тоской поглядывая через высокие окна, как взмывает в манящую высь очередной пассажирский космолайнер, направляясь в бескрайние космические дали. Одно время Дринч пытался накопить на билет круизного звездолета, но зарплата уборщика едва позволяла сводить концы с концами, и даже если ему удавалось наскрести хоть какую-то заначку, каждый раз возникали непреодолимые обстоятельства в лице его многочисленных родственников, клянчивших «в долг», которым Дринч по своей доброте душевной не мог отказать. А вот в этом смысле, простосердечный рептилоид, можно сказать, был нетипичным представителем своей расы.

Уже практически смирившись со своей судьбой-злодейкой Дринч в тот знаменательный день пришел на смену пораньше, чтобы попробовать отремонтировать хотя бы парочку роботов-уборщиков, чтобы затем отправить их на уборку

ку, а самому заняться одним важным делом, которое он никому другому не мог доверить. Важное дело состояло в полировке прижизненной статуи своего великого соплеменника – генерала Фью-Блинча – единственного из рептилоидов, дослужившегося в Военно-морском флоте Конфедерации до лиловых лампас на форменных галифе. Статуя легендарного генерала была установлена восхищавшимися им соплеменниками посреди главного зала ожидания космодрома, через который шли потоки прибывающих и отчаливающих с планеты существ, чтобы все видели и передавали другим, что ликурийцы тоже не углеволокном шиты.

Дринч, много слышавший про подвиги знаменитого земляка, боготворил его, и считал полировку статуи единственным светлым пятном в своей жизни. Раз в неделю, обычно перед выходными, он надраивал поджарую фигуру позолоченного полководца до ослепительного блеска, так что у привыкших к полумраку вестергианцев – шебутных шестилапых интуристов, прилетавших покуролесить в местных злачных пещерах, даже сквозь специальные светофильтры от одного взгляда на статую развивалась быстротекущая «куриная слепота».

Так вот, починив к своему вящему удовольствию троих роботов и запрограммировав их на полный цикл уборки, трудяга Дринч взяв свой саквояж с мастикой, полиролями, щетками и ветошью, отправился к статуе генерала. Обойдя слегка помутневшую за неделю статую (а на темечке уже

и засиженную местными жирными мухами), Дринч опытным взглядом прикинул предстоящий фронт работ и, деловито разложив на постаменте у ног изваяния инструменты, со всей полнотой ответственности принялся за дело. Сначала он выжал из нескольких тюбиков полиролей необходимое количество пасты, затем смешал и взбил их в густую пену, которой старательно покрыл статую генерала с головы до ног. Покончив с этим этапом, Дринч вооружился двумя щетками, щетина которых была изготовлена из синтетического кристалловолокна и не обращая внимания на собравшуюся к этому времени вокруг толпу любопытствующих зевак, продолжил наводить марафет.

Закончив очередную процедуру и удовлетворенно поцокав раздвоенным языком, Дринч принимался за следующий пункт регламентных работ, пока, наконец, не добрался до главной заключительной стадии – полировки и так уже блистающей статуи бархоткой. Уборщик ловко справился с головой бравого генерала, отполировал его увешанную многочисленными орденами грудь, сноровисто прошелся по короткому, но мощному хвосту и добрался до высоких генеральских сапог, над которыми он всегда корпел с особым усердием, ибо знал, что прототип статуи тоже всегда чтит блеск обуви, будь то парадные ботфорты или броневые боты боевого скафандра.

Дринч так ушел с головой в работу, что не заметил, как за его спиной кое-кто удовлетворенно крякнул и ещё кто-то

позвал его по имени. Только после того как его похлопали по плечу, недовольный Дринч остановился и оглянулся. В толпе наблюдавших за ним зевак он сразу заметил небольшую группу суровых военных, среди которых как минимум один показался ему до боли знакомым, хотя с вояками он никогда раньше не общался. Рядом с военными суетился Си-Свинч – исполнительный директор космодрома, тот ещё напыщенный боров, хоть и чистокровный рептилоид.

– Дринч, дорогой, подойти к нам, я хочу тебя кое с кем познакомить, – Си-Свинч украдкой показал глазами на того типа, лицо которого Дринч посчитал знакомым. – Это наш легендарный...

– Генерал Фью-Блинч?! – выдохнул, не веря своим глазам, пораженный уборщик,

«Мать моя – рептилия! Да это ведь точно генерал! Собственной персоной! – переводя ошалелый взгляд со статуи на её живого двойника, скрипел извилинами застигнутый врасплох уборщик. – Тот же тяжелый волевой подбородок, те же острые зубы, даже шрам над правой бровью – все как у его статуи! Ну, то есть статуя – один в один генерал Блинч!»

Дринч ещё раз провел контрольную сверку оригинала с только что отполированным изваянием и едва не подпрыгнул от радости – звездный герой их расы стоял всего в нескольких шагах от его скромной персоны.

– Генерал Фью-Блинч, вы мой кумир! Вы гордость, честь и совесть всей нашей расы! – воскликнул Дринч и, не стыдясь

нахлынувших чувств, смахнул предательскую «крокодилью» слезу бархоткой, которую продолжал сжимать в руках.

– Вижу, юноша, вижу! – хрипло ответил польщенный Фью-Блинч, кивнув на свою золоченую копию. – Я имел возможность понаблюдать, как ты драил сапоги моего «двойника», – генерал обратился к сопровождающим, – Весьма похвально-с, я вам доложу, когда гражданский, так называемый «пиджак», начищает сапоги так, что не каждому фельдфебелю под силу! Из тебя получился бы хороший солдат, юноша! Что скажешь?! Не хотел бы ты пополнить ряды нашего прославленного флота?

Дринч встрепенулся, не поверив своим ушам, но тут же сник.

– У меня нет соответствующего образования, – стыдливо потупив глаза, признался он, – и даже школьного курса начальной военной подготовки.

– А-ай, к фультрангу образование! – махнул рукой генерал, которого воодушевил юноша, умевший так виртуозно чистить сапоги. – Было бы желание! Ты мне ответь – оно у тебя есть?

– Что? – недопонял вопрос растерянный уборщик.

– Желание, тысяча жареных грумов, же-ла-ни-е! – повторил в своей военной манере генерал Фью-Блинч. – Хочешь ли ты поступить на службу в Военно-космический флот Конфедерации, служить под моим начальством и избороздить просторы галактики вдоль и поперек, сверху вниз, а также

по диагонали?

Дринч сначала подумал, что он надышался полиролями, как уже не раз бывало, и все это ему просто мерещиться. Однако, незаметно ущипнув себя острыми когтями за слабозащищенный чешуйками зад и чуть не взыв от резкой боли, он понял, что все, что в настоящий момент творится, происходит на самом деле и токсичные пары полиролей тут ни причем.

– Моньер генерал, да вы... да я... да... Да! – несколько сумбурно, но в целом понятно, выразил свою мысль Дринч, чувствуя как сердце пьяным соловьем сотрясает грудную клетку, силясь вырваться наружу.

– Вот и отлично! – одобрительно кивнул генерал. – Сегодня получи расчет у любезного клунгера Си-Свинча, а завтра к двенадцати я жду тебя у моего флагмана. Его название...

– «Беспощадный Варакат»! – выпалил Дринч. – Я даже знаю его позывные.

– Похвально! Думаю, я в тебе не ошибся, парень. Итак, мы отчаливаем в полдень. Не опоздай!

– Есть, генерал! – вытянулся в струнку Дринч и еле удержался, чтобы не отдать воинское приветствие, и не стать посмешищем, так как из фильмов знал, что к пустой голове лапу даже «пиджаки» рептилоиды не прикладывают.

– Хорошо, солдат! – одобрительно кивнул генерал и подождал одного из сопровождающих его офицеров. – лейтенант

Клитринч, вы останетесь здесь и организуете процедуру заключения по упрощенной схеме.

Поручив лейтенанту немедленно подписать контракт с «новобранцем» и, почти дружески махнув на прощанье Дринчу, генерал в сопровождении своих адъютантов пошел прочь из здания космодрома, к авиапаркингу для обслуживания высокопоставленных персон, где его ждали с кислыми рожами представители местных военных органов, к которым он нагрянул с внезапной инспекцией.

Глядя вслед удаляющемуся Фью-Блинчу, Дринч все ещё не мог поверить в наконец-то повернувшуюся к нему нужным местом госпожу фортуна.

Его мечта уже практически сбылась!

Не сказав о своем скором убытии никому из многочисленных поднадоевших братьев и сестер (а в одной кладке ликурийские мамыши обычно откладывали до полусотни яиц), Дринч провел бессонную ночь, попеременно коротая её воспоминаниями из своей доселе пресной, как вареные опарыши люмий, жизни и бурными фантазиями на тему захватывающего будущего. Он был настолько возбужден ключевым событием, произошедшим с ним прошедшим днём, что не сомкнул глаз до кроваво-красного рассвета, и вязкая дремота затянула его в свою трясиину сновидений уже с восходом солнца. Из-за этой напасти Дринч едва не опоздал к отлету генеральского звездолета. Пospел в самую тютельку, без обязательного в военной среде «ефрейторского зазора», чем

немного расстроил благоволившего к нему генерала.

– Что случилось... юноша? – ещё участливо, но уже со стальными нотками в голосе, поинтересовался Фью-Блинч, нетерпеливо поджидавший своего нового подчиненного у трапа корабля. – Ты чуть не упустил свой шанс стать полноценным рептилоидом?

– Прошу прощения, моньер генерал! – задыхаясь от быстрого бега, ответил Дринч, мысленно ругавший себя за совершенный промах и искренне переживавший как бы его прямо сейчас не поперли из армии. – Проспал! Всю ночь не смог уснуть, а к утру как назло сморило.

Генералу не раз приходилось слышать подобные отговорки за время службы, но в этот раз он не стал разносить нарушителя в пух и прах, только попенял ему:

– Смотри, солдат, не разочаровывай больше старика, а то отправлю тебя на край галактики смокрингам хвосты крутить.

– Такого не повторится! – пылко пообещал Дринч, пожирая умоляющим взглядом своего нового начальника. – Я буду стараться, чтобы оправдать ваше доверие, генерал! Вы не пожалеете!

– Очень на это надеюсь, – с долей сомнения хмыкнул бывалый вояка и махнул рукой на трап. – Что же! Поднимайся на корабль, солдат, да поживее!

– Есть!

Дринч закинул давно припасенный для путешествий рюк-

зак на плечо и забежал по широкому трапу на звездолет. За ним поднялись адъютанты генерала, а последним, по старой флотской традиции, уже по плавно поднимающемуся трапу взошел на борт флагмана и сам генерал Фью-Блинч.

Глядя как трап-рампа с тихим скрипом отрезает от него прошлое, Дринч немного взгрустнул, но тут же собрался и вытянулся в струнку, так как вместо ушедшего на мостик генерала ему в наружное слуховое отверстие грозно рявкнули:

– Смирна, саламандра чешуйчатая! Я мастер-капрал Глюч, твой командир и наставник!

Замерший по стойке «смирно» Дринч, не делая резких движений, скосил глаза на голос (благо форма и расположения глаз позволяли рептилоидам не оборачиваясь оглядываться практически на триста шестьдесят градусов) и увидел сбоку от себя коренастого крепыша со злобной рожей и мастер-капральскими лычками.

– Слушай сюда, скорлупа вердепомовая! – продолжил «наставник» наставляя новобранца. – Генерал поручил мне сделать из тебя настоящего рептилоида, склизкий ты тритон! С этой минуты ты будешь выполнять все мои указания, даже если где-то глубоко внутри твоей полупустой черепной коробки посчитаешь их вредными для своего жалкого здоровья! В свободное время тебе разрешается думать про меня всякую ерунду, вплоть до прорабатывания способов изощренного убийства, но если при выполнении моих поручений я увижу в твоих чересчур выпученных глазах хоть одну со-

мнительную мысль, поверь мне на слово – тебе несдобровать! Все остальное тебе запрещается! Также, и это важно, запрещается проявлять инициативу, даже если ты ошибочно, а уж я точно знаю, что все инициативы подчиненных заведомо ошибочны, считаешь её разумной! Звездолет не место для творчества и креатива, а десант это десант, а не толпа вольнодумцев. Приказ получен – хоть умри, но сначала выполни приказ! Это наш девиз! Ты понял?! Сдохни, но выполни приказ, иначе тебе будет еще хуже! Вопросы есть?!

– Так точно! – громко, как видел в фильмах про военных, крикнул Дринч, у которого за этот небольшой промежуток времени уже накопилось немалое количество животрепещущих вопросов. Особенно ему было интересно, что может быть хуже того, если он, с позволения сказать, уже «сдох». – Разрешите...

– Ну, если вопросов нет, тогда следуй за мной, желток! – криво усмехнулся мастер-капрал. – Я покажу тебе твоё гнездовье. Как говорится – добро пожаловать в девятый отряд!

Прихрамывая на левую ногу, грозный крепыш зашагал по коридору.

Восхищенно глядя в широкую спину своего наставника (капрал выглядел, совсем как типичный киногерой боевиков!), новобранец послушно поплелся следом.

Подходя к кубрикам для личного состава, Дринч почувствовал, как задрожал проснувшийся боевой звездолет, запускаясь на старт, и ещё раз мысленно (правда, уже не так

жарко как намедни) поблагодарил судьбу, предоставившую ему этот шанс побывать в космосе.

– Вот это твоё гнездовье, – указал мастер-капрал на порядком загаженное углубление в одном из кубриков.

Несколько хмурых рептилоидов, маявшихся в кубрике от безделья, проворно вскочили со своих мест при их появлении и замерли по стойке «смирно».

– Располагайся! – не обращая внимания на обитателей кубрика, сказал Глюч. – Через час построение всего отряда в главном отсеке. Смотри, черепаший пасынок, не опоздай!

– Так точно!

– К этому времени постарайся получить на складе экипировку и подогнать её!

– Так точно!

– Да, и наведи порядок в этой помойке! – капрал брезгливо поморщился, с осуждением глядя на Дринча, словно это он здесь так насвинячил.

– Так точно! – понимая, что вступать в полемику себе дороже, ответил Дринч.

– И приведи себя в надлежащий порядок – убери с висков длинные чешуйки и заточи когти!

– Так точно!

– Что ты заладил, «так точно», «так точно». Ты что других слов не знаешь?

– Так точ... то есть никак нет!

– Ладно, над лексиконом ещё поработаем, – махнул рукой

мастер-капрал. – У тебя осталось меньше часа! Действуй!

Оставив Дринча в кубрике с остальным «планктоном», мастер-капрал удалился по своим делам.

– Всем здрасте! – первым поздоровался воспитанный Дринч. – Меня зовут Дринч. Очень приятно будет с вами познакомиться.

Завалившиеся после ухода Глюча в свои гнездовья десантники даже ухом не повели и не потому что у рептилоидов не было ушей в обычном понимании, а потому что новобранцев здесь не «замечали» до поры до времени, пока те не проявят себя.

Осознав, что всем тут глубоко наплевать на него, огорченный Дринч постарался хотя бы разузнать где тут «чешуймахерская» и склад с обмундированием. Кое-как выяснив у немногословных «коллег» где разжиться формой и подравнять головные чешуйки под установленную «стрижку», Дринч смотался туда и сюда и почти успел на построение.

Но, к сожалению, «почти» не считается! Опоздание в строй на пару ничтожных минут у мастер-капрала Глюча считалось вопиющим преступлением.

Отчитав с использованием ненормативной лексики нерасторопного новобранца, мастер-капрал вклеил ему для заправки один наряд на работу, который на автоматизированном звездолете заключался только в одном – в наведении чистоты.

Так как Дринч был специалистом в вопросе наведения

лоска, то с этим заданием он справился великолепно. Все кубрики и подсобные помещения закрепленные за девятым отрядом, после его вмешательства буквально сверкали от безупречной чистоты. Так их наверное никто не убирал со дня ввода в строй звездолета. Даже вечно недовольный Глюч должен был признать, что наряд на работу новичком отработан с полной отдачей и в полном объеме.

Дринч, в свою очередь, был рад проявить себя хотя бы в этом тоже далеко немаловажном деле.

Однако, несмотря на все его старания, в остальных вопросах служебной и повседневной деятельности он так и не преуспел. В виду его низкой всесторонней подготовки он являлся слабым звеном отряда и главным раздражителем мастер-капрала. Дринч постоянно попадал в немилость своего непосредственного начальника, который щедро «потчевал» его нарядами на работу. Зато, если взглянуть на это с другой стороны, с порядком в отряде проблем больше не было. К ним в отряд приходили посмотреть на идеальный порядок делегации из других отрядов и даже предлагали обменять уборщика-новобранца на двух бывалых десантников. Правда, смекнувший что к чему Глюч, неизменно отказывался от такого неравнозначного обмена. Профессиональных мордоротов у него в отряде хватало с лихвой, а вот профессионального уборщика больше ни у кого не было.

Слухи о стерильности в секторе девятого отряда дошли и до совсем было забывшего о новобранце генерала, и он са-

молично спустился в десантные отсеки, чтобы проверить так ли обстоят дела на самом деле, как рассказывают. Увиденное поразило старого солдата! Чистота в кубриках «девятки» была идеальной. Чтобы проверить все ли здесь так чисто как кажется на первый взгляд, Фью-Блинч достал из кармана увенчанного эполетами френча белоснежный платок и прошелся им под гнездовьями, по всем углам, тумбочкам, полочкам и перегородкам. Что сказать – платок остался белым как девственный снег на Джумме – планете вечной мерзлоты.

Выяснив, что это дело рук Дринча, генерал вызвал к себе мастер-капрала и отдал распоряжение больше не мучить парня занятиями по учебно-боевой подготовке, а разрешить парню навести генеральную уборку на звездолете. Тем более, что вскоре на его флотилию должен был прибыть генерал-инспектор Иванчук из Главного штаба Флота, тот ещё педант и крючкотвор, и они должны показать «товар лицом»: нормальные десантники свою боевую подготовку и Дринч идеальный порядок на флагмане.

Услышав, что ему поручено такое ответственное задание, Дринч обрадовался. Еще бы – его освобождали от муштры и давали возможность проявить себя в другом более понятном ему деле. Правда, на весь звездолет ему выделялась всего-навсего неделя.

Получив карт-бланш, Дринч вместе с ним получил доступ к подсобным помещениям, где хранились стратегические за-

пасы чистящих средств, а также ему был вручен чип, открывавший все двери на корабле. И работа закипела.

Сначала Дринч навел идеальный порядок на капитанском мостике, с которого открывался изумительный вид на звездный пейзаж галактики и откуда генерал Фью-Блинч умело руководил своей флотилией, двигавшейся кильватерным строем в район проведения итоговых межведомственных учений. Затем воодушевленный уборщик выдраил офицерские каюты, залы совещания и оперативные кабинеты, расположенные на верхних ярусах звездолета. После чего пришлось повозиться с нижними ярусами, где располагались кубрики для личного состава отрядов. Одолев и их, Дринч два дня потратил на наведения марафета в ангаре с десантными катерами, ремонтных мастерских и подсобных помещениях. Желая проявить себя с лучшей стороны, а потому работая не покладая рук и отдыхая всего по паре часов в сутки Дринч совершил, казалось бы невозможное – у него в запасе оставался ещё один день, а он уже все закончил. Выдраил практически весь звездолет. И вот здесь стоит уточнить, что практически весь, это еще не значит что весь.

Внимательно изучив трехмерную схему многоярусного звездолета с отмеченными в разные цвета на ней вычищенными помещениями, Дринч обнаружил, что не обслуженным остался ещё один небольшой ангар, расположенный около главного десантного эллинга. Как ответственное должностное лицо, он не мог оставить данный закуток без вни-

мания и, взвалив на спину рюкзак с чистящими средствами, отправился в этот дальний ангар.

Добравшись до нужного помещения, Дринч открыл его универсальным чипом и вошел внутрь. Включив освещение, он обнаружил накрытый чехлом небольшой челнок. Из любопытства приподняв край чехла, Дринч ехидно присвистнул:

– Фюить! Ну и дела! До такой степени челнок закоптить! Это как они так умудрились? – рептилоид постучал по черной корке нагара, тянувшегося от сопел челнока до кабины фюзеляжа. – Наверное, от генерала его тут спрятали, чтобы им не влетело. Ну, да ничего, и не такое оттирали. Заблестит как новенький. Вот сюрприз для всех будет.

Усмехаясь над «грязнулями», Дринч закатал рукава своего комбинезона и, несмотря на усталость, с удвоенной силой принялся за новый объект.

Нагар оказался на редкость крепким, поэтому ему пришлось применить все свои знания и умения, чтобы не поцарапав под ним обшивку отодрать окалину от челнока. Дринч даже не пошел на ужин, и провел в ангаре всю ночь, трудясь в поте своего крокодильего лица над приведением челнока в идеальное состояние. Уже к утру, закончив полировать засверкавшую новизной шлюпку, Дринч из последних сил навел порядок в самом ангаре, и собрав нагар в специальный мусорный контейнер, стоявший здесь же, еле доплелся до своего кубрика где уснул безмятежным сном рептилои-

да, выполнившего свой конституционный долг перед галактикой.

Дринч и не подозревал, что этот «нагар» являлся последней разработкой ведущих конструкторских бюро в области «стелс-технологий», который позволял космическому судну оставаться незамеченным для всех видов сенсоров потенциального противника: радио, тепловых, изобалических и даже квазиментальных. А этот экспериментальный челнок был отправлен в боевую флотилию генерала Фью-Блинча для проведения войсковых испытаний на намечавшихся учениях. Кстати, генерал-инспектор Иванчук летел к ним, в том числе и для контроля учений с участием нового образца техники.

Поэтому можете представить себе, что происходило с генералом Фью-Блинчем, когда пилот-испытатель доложил ему о «таинственном» исчезновении секретного покрытия с тестируемого челнока. Генерал поначалу предположил, что это происки врагов, но прибыв в ангар и увидев как блеснит челнок, сразу догадался чьих шаловливых рук это дело. Приказав срочно доставить под конвоем в ангар Дринча, генерал пытался придумать вразумительное объяснение произошедшего для инспектора и не находил его.

А тут еще заспанный Дринч, увидев практически весь командный состав флотилии в ангаре, окончательно выбил его из колеи, скромно произнеся:

– Можете не благодарить, моньер генерал! Я всего лишь

выполнял свою работу!

Даже растерянный летчик-испытатель не сдержался и приснул в кулак за спиной генерала.

Поняв, что убийством чрезвычайному происшествию не поможешь, генерал взял себя в руки и на удивление спокойно объявил Дринчу, что за его «старания» приложит все свои силы и связи для его отправки в самое дальнее путешествие, в такие звездные дали, куда даже вездесущие свой нос инспекторы не совали.

Однако перед отправкой в дорожку дальнюю генерал ещё и умудрился присвоить Дринчу очередное воинское звание – ибо несмотря ни на что считал, что рептилоид так умеющий начищать сапоги, как минимум должен быть фельдфебелем.

Так новоявленный «фельдфебель» Дринч оказался там же где и я – на одном из передовых планетоидов системы контроля и оповещения галактической погранслужбы.

ГЛАВА 4. А ЗОНА ЗДЕСЬ ТИХАЯ

Но прежде чем высадится на планетоиде, меня познакомили с Дринчем в Главном пограничном управлении третьего рукава галактики, после чего с нами должным образом провели серию инструкторско-методических занятий, сделали несколько доработок, вживив нам контрольно-отслеживающие чипы и решив, что мы теперича на все сто процентов готовы к «труду и обороне» отправили отбывать почет-

но-штрафную «ссылку».

Честно сказать поначалу мне этот хлипкий рептилоид не понравился, какой-то он был заторможенный с виду, неразговорчивый и вообще... Но за время полета на дальние рубежи галактики мы с ним довольно много общались, и со временем я изменил свое мнение о парне. В принципе нормальный чувак, только чересчур правильный, простодушный и замуштрованный (сказывалась скучная жизнь на периферийной планете и последовавший за этим короткий срок армейской службы), но это было делом поправимым. Два года в моей компании сделают из него «человека». Конечно, неплохо было бы в напарники заполучить сразу человека без кавычек, но ничего не поделаешь, мне выбирать починенных не приходится, поэтому будем «лепить» сослуживца из того образца, что имеется.

Короче прибыли мы на ФАТ-13 (официальное название планетоида и размещенной на нем базы) уже довольно хорошими товарищами. Торчавшие на планетоиде прикомандированные пацаны из дежурной смены усиления, встретив нас жаркими объятиями, в течение часа провели небольшую ознакомительную экскурсию и, побросав наспех свои манатки в стоявший на старте звездолет, резво умотали восвояси. Проводив счастливых, мы с Дринчем пошли располагаться на нашем новом месте службы.

Из разговоров с экипажем, доставлявшим нас сюда, мы узнали, что мой предшественник, несший службу на ФАТ-13

в чине капитан-лейтенанта, не выдержав и полугода раскинул мозгами, выпустив себе разрывную пулю в лоб. Интересная деталь, пред этим самоубийца по товарищески застрелил и своего незадачливого напарника, по трагическому стечению обстоятельств тоже оказавшимся как и мой, рептилоидом. А этот «кэп», по слухам, был отличником боевой и политической, из тех, что всегда первыми делают шаг из строя, то есть настоящим добровольцем, из числа ура-патриотов на всю голову, а не таким как я добровольно-принудительным волонтером. Этот факт навевал далеко не радужные мысли, но пока что отчаиваться я не собирался. Для этого у меня есть как минимум два долгих гребаных года.

Теперь более детально о самом планетоиде и расположенной на нем базе. Планетоид ФАТ-13 (тринадцать мое любимое число, кстати) был одним из звеньев охранно-пограничной системы, которая мелькой сетью опутывала нашу галактику. Чтобы вам было более понятно, он чем-то напоминал тот же спутник Земли, Луну если не ошибаюсь, только гораздо меньших размеров. Атмосфера разряжена настолько, что читай отсутствует. С гидросферой такая же ерунда. Соответственно флоры и фауны здесь тоже, как понимаете, нет. Зато много камня. Не просто много, а непозволительно много – целые скальные хребты, куда ни кинь взгляд. В сущности, планетоид – это и был один огромный космический булыжник, траектория которого синхронизирована с ходом вращения галактики с помощью специфических устройств.

И вот на нем силами КосмСпецСтроя была развернута боевая наблюдательная база с тяжелым вооружением и самыми современными системами мониторинга окружающего космического пространства, позволявшая держать на контроле сектор размерами пять на пять парсек, что как вы понимаете довольно много. Помимо ракетно-лазерного вооружения на планетоиде под контролем нашего пункта управления находилось ещё несколько тысяч довольно серьезных «игрушек» – рассредоточенных по всему сектору ответственности реактивных дистанционно-управляемых мин с жгучей термобарической начинкой. Образованное ими минное поле покрывало практически всю зону ответственности. Также имелась возможность управления ими для переброски к точкам возможного прорыва потенциального агрессора. Но даже эти мегатонны взрывчатки были «цветочками» по сравнению с той термоядерной мощностью, которая была сконцентрирована в недрах нашего планетоида. Несколько тонн обогащенного радиоактивного политрония – самого разрушительного в нашей галактике актиноида – было бережно заложено внутри высверленных в планетоиде тоннелей и приготовлено к подрыву. Это было придумано на случай совсем уж шваховой нештатной ситуации – например массивированного вторжения чужого флота или приближения дрейфующей туманности переносившей всякую смертоносную заразу (вирусы, бактерии и т.п.) которые уже выкашивали в прошлые века целые созвездия наших поселений. А что? Пожертвовать

парой таких неудачников как я, зато защитить галактику от нежелательных «гостей», как видимых невооруженным глазом, так и невидимых оным.

Факт наличия под ногами такой «погремушки» меня волновал больше всего. А еще тот факт, что на планетоиде не было даже намека на спасательную шлюпку или санитарный челнок. То есть смотаться отсюда, при всем своем желании мы не смогли, если бы запахло жареным и пришлось, упаси несуществующий бог, отстреливаться до последнего «патрона».

Успокаивало одно – что наша зона ответственности, по статистике, за все время службы была одной из самых тихих в плане возникновения разного рода «нежданчиков». В нашем секторе ещё ни разу не было зафиксировано ни одного инцидента с попыткой проникновения, тогда как в других зонах ответственности подобный «шухер» происходил периодически. Наверное, особенность была в том, что от нашей базы, до ближайшей населенной галактики было как до Альфы-Центавры пешком. Даже в мощный плазмонитронный телескоп она, ближайшая галактика, выглядела как бледная искорка на черном фоне бескрайних просторов Вселенной. И это радовало. Гостей почему-то встречать на передовой не хотелось.

Вот в принципе и все, остается добавить, что с едой и водой здесь проблем не было. Запасов было навезено на годы вперед. Вот с развлечениями беда. Куча старых фильмов и те

в основном документально-познавательные. Ни тебе видеофонной связи, чтобы поболтать с «большой землей», только радиосвязь на неперестраиваемых станциях с верхним пунктом управления, для докладов и получения оперативно-служебной информации. Ни тебе «галактернета» – пошариться по всяким интересным сайтам, например знакомств с последующими виртуальными свиданиями. Ни тебе даже банального психоимитатора – вошел в кабину, надел шлем и «прогулялся» по улочкам родного города. Возможно, поэтому и застрелился мой предшественник.

Ну да чего уж там. Мы и без этих «времясжигателей» что-нибудь придумаем, чтобы скоротать время нашей ссылки. Например, приберемся на базе для начала. В таком свиарнике лично я, как человек глубоко себя уважающий, служить не собираюсь.

Впрочем, все тяготы и невзгоды по уборке взвалил на свои чешуйчатые плечи Дринч. Он довольно профессионально отдраил всю базу за максимально короткий срок. Мне осталось только помочь рептилоиду загрузить собранный мусор в контейнер и заложить его на складе, для последующей утилизации. После уборки я перенес шмотки в свою блестящую чистотой и дышавшую свежестью каюту и вернулся на ПКУ – пункт контроля и управления. Как и на любом командном пункте, на ПКУ имелся пульт управления с кучей кнопок и тумблеров, несколько дисплеев отображения информации от дрейфующих станций дальнего наблюдения

и один огромный трехмерный планшет космической обстановки нашего сектора ответственности. В принципе ничего сверхординарного. Обычное рабочее место, мало чем отличающееся от того же КП скажем на космоавианосце, только размеры контролируемой зоны были в десятки раз больше. В этом было единственное и основное отличие моего ПКУ.

Без проблем и практически не прибегая к услугам инструкции по эксплуатации, я разобрался с эргономикой автоматки, затем вызвал в оперативный зал Дринча, который продолжал усердно горбатиться в подсобных помещениях и предложил последнему продемонстрировать его способности к управлению всей этой мощью. Как и следовало ожидать ничего он, как ни старался, показать не смог. Знаний и умений пареньку явно не хватало.

М-да! Придется попотеть над его обучением.

Зато Дринч, как оказалось, на удивление неплохо разобрался в робототехнике, в чем я, честно сказать, был не силен. Фельдфебель обнаружил в одном из ангаров несколько отключенных роботов со вскрытыми системниками, из которых торчали обугленные провода – видно это съехавший с катушек мой предшественник-самоубийца их тоже «застрелил» перед своим суицидом. Дринч попросил разрешения попробовать их реанимировать.

Я милостиво разрешил рептилоиду «помаяться дурью», понимая, что восстановлению эти стальные «хлопчики» подлежат только в заводских условиях. Но Дринч умудрился-та-

ки за несколько дней собрать из нескольких раскуроченных экземпляров двух роботов, которые пришлись как нельзя кстати. Одного робота – стального монстра похожего на угловатого кентавра, с парой выдвигающихся манипуляторов со сменными насадками, я не мудрствуя назвал Давид, по заглавным буквам слов набитых на его информационном шильдике – Дроид Автоматический с Встроенным Интеллектом Дезинтеграционный. Насколько я понимал, этот Давид в свое время использовался в качестве камнедробилки, для прорубания прохода в скальных породах и расширения пригожей для эксплуатации местности. Второй робот был на миниатюрных луноходных пневматиках и больше походил на классического робота-официанта, не хватало только стальной бабочки на «шее». Его я назвал Луи (сам не знаю почему) и назначил своим денщиком.

Эти два робота, скажу я вам, весьма разнообразили нашу серую служебную деятельность. Мало того что они обладали каким-никаким интеллектом, позволявшим им без нашего контроля выполнять несложные работы, как то: уборка помещений, готовка пищи, очистка прилегающей территории от нередко прилетавших к нам «в гости» метеоритов и замена блоков на выносных аппаратных контейнерах, так они ещё «знали» и очень много весьма фривольных анекдотов (видно кто-то из наших предшественников-шалобаев с хорошим чувством юмора загрузил им в память все сборники про космических дальнобойщиков, их жен и любовни-

ков). Поэтому, коротая вечера на камбузе нашей базы, мы с Дринчем слушали поочередно дребезжащие голоса роботов, с вполне достойной эмоциональной окраской повествовавших очередную байку, и покатывались со смеху.

Более того, я придумал как ещё более разнообразить наш быт с участием роботов. Мы стали путешествовать по планетоиду. Верхом на роботах. Мы облачались в скафандры, после чего я «седлал» своего «денщика», у которого был мягкий ход, Дринч взбирался на «кентавра» ДАВИДА и отправлялись на обследование окрестностей. Ничего примечательного, но хоть какое-то подобие приключения. А ещё мы устраивали на них «скачки». Выбирали ровную поверхность и мчались на стальных скакунах до финишной черты. В общем, мы развлекались как могли, чтобы не сойти с ума и не перестрелять друг друга, как сделали наши менее отвязные предшественники.

Так что, как оказалось, здесь на ФАТ-13 было не так уж скверно, если подходить к служебной деятельности с «умом и сообразительностью» и небольшим чувством юмора.

Так прошло полгода, а мы не только не сошли с ума, но и вполне себе недурно жили и служили. Хотя орать строевые песни с роботами и заставлять их «маршировать» на «плацу» около базы, человек с высшим образованием и уж тем более скромный рептилоид, находясь в здравом уме, наверное, не стали бы.

К этому времени я научил Дринча не только обращать-

ся с пультом управления нашего ПКУ, но и заковыристо ругаться, когда что-то выходило не так. Рептилоид, не соврать, благодаря моим потугам, стал практически другим «человеком». Теперь он не стал бы самозабвенно драить сапоги кому-либо, пусть и золоченой фигуре генерала. Теперь он не чистил даже свои сапоги, пардон бронеботы, потому что это было «западло», тем более, когда есть для этого «денщик» Луи. А ещё я научил его «правильно» разговаривать с вышестоящим пунктом управления, то есть по каждому пустяку посылать их куда подальше, тем более что это всегда сходило нам с рук.

«Там», на «большой земле», прекрасно понимали что мы «тут» на переднем крае потенциальные смертники, и, несмотря на наши «аты-маты», всегда говорили с нами деликатно, стойко терпя всю нашу агрессивную ахинею. И, я так думаю, подобную нецензурную бредятину в эфире несли не только мы, но и остальные наши «братья по несчастью», штрафники на других «планетоидах-смерти».

Единственное, что мне пока не довелось вбить в голову Дринча, так это метафоризм наших землянских крылатых выражений, пословиц, поговорок образно характеризующих какую-нибудь жизненную ситуацию или определяющих некое явление. То бишь, выскажусь я, по поводу ушибленной коленки об угол неважно какого ящика – «Да! Чтобы тебя! Ни дна, ни покрышки!». А Дринч тут же начинает разглядывать сей злополучный ящик, а потом на полном серьезе

зе объяснять мне, что у него, у ящика, и дно, и крышка, все на месте, все в наличии. Я ему, в свою очередь, втолковываю, что это такое выражение эмоциональное, только вполне пристойное. Или вот, например, скажу с утра не подумав о последствиях что дескать «дрых без задних ног», а рептилоид меня начнет доставать, каким образом мы, люди, умудряемся на ночь ноги отстегивать и для чего. Приходится и тут пояснять, что это образное выражение. Но все равно Дринч плохо понимал (как и большая часть других рас) нашу человеческую страсть к крылатым фразам, которые мы чуть ле ни с рождения использовали на автомате, не задумываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.